

Имя певицы Татьяны Ветровой знают многие, но гораздо больше зрителей знают другое имя — МИЛЕДИ. Хотя в ее нежном взгляде трудно уловить расчет и коварство, присущие женщине-вамп. Впрочем, говорят, что в тихом омуте...

ПОД МАСКОЙ МИЛЕДИ

— ... нет, не водятся... Просто моя песня «Миледи» неожиданно стала известней, чем я сама. И одно время я даже хотела отказаться от своего имени и стать... МИЛЕДИ.

— Почему же не стали? Сейчас на эстраде это очень модно... Барби, Анка, Органическая Леди... плюс Миледи.

— Что вы! Тут такое началось! Мои поклонники, друзья, знакомые — все были против. Пришлось смириться. И потом мне гораздо дороже и собственное имя, и собственное лицо.

— По-моему, Татьяна Ветрова — тоже звучит как псевдоним. Как одно из имен Миледи.

— Это настоящее имя Миледи.

— А в жизни и в творчестве вы так же авантюры, как ваша героиня? Кто вас поддерживает? Рошфор? Кардинал Ришелье?

— Я сильно отличаюсь от своей героини. Во-первых, не авантюристка. Во-вторых, абсолютно несамостоятельна. И потом, за моей спиной нет кардинала Ришелье... Кто поддерживает? Ну, наверное, это Павел Вахидов — руководитель группы «Тет-а-тет», с которой я работаю. Он автор музыки многих наших песен, директор коллектива. Этот человек и помогает мне, и мешает, доводит до бешенства, до слез и успокаивает, уничтожает меня и вселяет надежду.

— У вас есть группа, ваши гвардейцы. Они помогают вам работать «вживую» или открывать рот под плюсовую «фанеру»?

— Когда рядом хорошие музыканты — грех мучить себя и слушателей фонограммными концертами. Тем более, я умею петь.

— От природы или от образования?

— И то, и другое. Я пою, сколько себя помню. А потом — у меня высшее музыкальное: школа, училище, институт. Больше, чем нужно.

— Вы серьезно?

— Абсолютно. Гнесинская школа была первой ступенькой. Музыкальное училище имени Ипполитова-Иванова — это база на всю дальнейшую жизнь, да и вообще лучшее мое время. Но, прошу прощения у педагогов, многих из которых я очень уважаю, свою учебу в институте все же считаю потерянным временем, отнятым у творчества. Печально, что образование у нас стало лишним.

Недавно одна довольно известная мадам от шоу-бизнеса, прослушав мои записи, поморщилась и обреченно так сказала: «Да, это слышно, что голос у тебя поставленный. Ты поешь слишком профессионально». Представляете? Мне тогда стало почти стыдно. Разве не страшно, когда певица должна скрывать то, что умеет петь?

— У вас глаза не Миледи. В них нет азарта, зато есть... много горечи. Или я ошибаюсь?

— В интервью не принято жаловаться. Надо показать себя очень благополучной, «крутой» и удачливой. А я не желаю врать! Да, мне трудно. Я знаю, что могу делать больше. Но дни проходят, а я боюсь, что мои возможности так и останутся нереализованными. Тогда жизнь для меня потеряет смысл.

— В чем же спасение?

— А вы не знаете, в чем?

«Время страшное пришло, время странное,

Кто в лохмотьях, кто — в шикарном мантио.

Нужно песне, как невесте, приданое,

А иначе — не услышит никто...».

Это из моей новой песни «Бесприданница». Она один раз прозвучала по радио, и люди на концертах уже просят ее спеть. Значит, мои песни нужны. Но сейчас минута эфира стоит баснословные суммы, поэтому никак не получается снять хороший клип на новую песню.

— А как же спонсоры? Неужели не найдутся благородные мужчины? Тем более, для Миледи...

— Не надо об этом. Это болезненная тема. Я же не могу ходить по организациям и рассказывать, какая я хорошая, просить за себя! А для того, чтобы увидели, услышали, опять же надо платить. Замкнутый круг.

Да, на сцене я совсем другая. Там я живу, а здесь — только пытаюсь жить... Что? Не нравлюсь такая?

— Напротив... Я уже почти, как Фельтон, готов не любить всех, кто не хочет вам помогать... А что не любите вы?

— На сцене я не люблю полутонов. В песнях мне нравится максимум. Если грусть, то чтобы слезы и мурашки по телу, если радость, то чтобы «на всю катушку». Я не могу по-другому. Многие советуют «сломать» себя, сейчас ведь немодно быть естественной, живой. Но я так не хочу стать пластмассовой куклой! Я не верю, что никого уже не волнуют сильные чувства! Ведь, несмотря ни на что, люди-то остались людьми?

— Я не гасконец из романа, но, похоже, и меня вы убедили, что «Миледи» — это

только маска. Маска удачливой, хищной красавицы... Или все-таки этот образ чем-то близок вам?

— Я думаю, что Миледи живет в каждой из нас. Ведь Миледи — это Женщина. Она — квинтэссенция всех женских качеств. Это яркий, красивый образ, несмотря на многие отрицательные его стороны.

— И все-таки, Миледи расчеллива или ранима? Холодна или влюбчива?

— Сколько себя помню, не было дня, чтобы я кого-то не любила. С детства. Но я всегда влюблялась надолго, даже в детстве, поэтому влюбчивой себя не считаю.

— Вы, должно быть, пользуетесь успехом у мужчин? Действительно ли Миледи может свести с ума любого?

— Честно? Теперь — да. Почему-то это пришло с годами. Всю юность я страдала от безответной любви, поэтому и стихи писать начала, что теперь мне очень пригодилось. А насчет свести с ума... Любого? Нет. Только того, кого очень захочу.

— ..?

— Лилии у меня на плече нет. И не будет.

Е. АЛЕКСАНДРОВ.
ФОТО Н. САМОЙЛОВОЙ.

Воскресенье. — 1992. — 10 сент.